ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.10
УДК 330.88
JEL B31 B41

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Экономисты русского авангарда[1]

Светлана Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2025). Экономисты русского авангарда. *AlterEconomics, 22*(1), 141–160. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.10

Аннотация. В статье обращено внимание на вклад в экономическую науку некоторых российских экономистов начала XX века, опередивших свое время. Мы назвали их «экономистами русского авангарда» и рассматриваем «экономический авангард» как часть известного явления культуры — русского авангарда, представляющего собой пример творческого новаторства в исследовании мира во времена социальных потрясений в связи с резко возрастающей сложностью. Такие периоды называют системными кризисами, и их исследование как в искусстве, так и в науке предполагает выход за пределы известного знания. К русскому экономическому авангарду в первую очередь мы относим таких оригинальных социальных экономистов, как Пётр Кропоткин (1842–1921), Александр Богданов (1873–1928) и Николай Кондратьев (1892–1938). В исследовании продемонстрирована контекстуальная общность складывания русского творческого авангарда как в искусстве, так и в экономической науке, а также обращается внимание на персональную «мультидисплинарность» их лидеров. Выявлена общность диалектики авангарда в русском искусстве и русской социально-экономической науке начала XX века. Она состоит в том, что, с одной стороны, представители авангарда заходят «слишком далеко» на пути разрушения принятых норм (или смены парадигмы). С другой стороны, они делают своего рода «шаг назад», возвращаясь к более традиционным для российской культуры представлениям и структурно более ясным формам и инструментам. На этой основе для творческого восприятия становится возможным вновь охватить целостность сложного, казалось бы, распадающегося во времена потрясений окружающего мира. В начале XX века это выразилось в череде европейских революций и трансформации общественных структур, которые уже не справлялись с возросшей индустриальной и социально-экономической сложностью. В этих условиях представители русского авангарда в искусстве и науке предъявили своих художественные системы и научные теории. Обращено внимание на параллели между вызовами начала XX века и современными вызовами начала XXI века, что формирует аналогичную тенденцию в теоретизировании нынешних российских экономистов. Это служит дополнительным обоснованием возвращения имен экономистов российского авангарда в экономику как образовательную дисциплину.

Ключевые слова: экономисты русского авангарда, Пётр Кропоткин, Александр Богданов, Николай Кондратьев, методология экономической науки, история экономической мысли России

[1] © Кирдина-Чэндлер С. Г. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Economists of the Russian Avant-Garde

Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Kirdina-Chandler, S. G. (2025). Economists of the Russian Avant-Garde. *AlterEconomics, 22*(1), 141–160. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.10

Abstract. The paper highlights the contributions of early 20th-century Russian economists who were ahead of their time. Referred to as the "economists of the Russian avant-garde," they are considered part of the broader Russian avant-garde movement — a cultural phenomenon associated with creative innovation in times of social upheaval and increasing complexity. Such periods, known as systemic crises, necessitate going beyond established knowledge in both art and science. Key figures in the Russian economic avant-garde include Pyotr Kropotkin (1842–1921), Alexander Bogdanov (1873–1928), and Nikolai Kondratiev (1892–1938). The paper demonstrates the contextual commonality between the emergence of the Russian avant-garde in art and economic thought, emphasizing the multidisciplinary nature of its leading figures. It also explores the dialectical dynamic of the avant-garde in Russian art and socio-economic science: on the one hand, its representatives push beyond accepted norms, challenging prevailing paradigms; on the other, they take a reflective step back, re-engaging with traditional Russian cultural ideas and structurally clearer forms. This interplay enables creative perception to restore a sense of coherence in a world fragmented by upheaval. In the early 20th century, this dynamic unfolded against the backdrop of European revolutions and the transformation of social structures struggling to manage increasing industrial and socio-economic complexity. In response, Russian avant-garde artists and economists introduced new artistic systems and scientific theories. The paper also draws parallels between the challenges of the early 20th century and those of the early 21st century, highlighting a similar trend in contemporary Russian economic thought. This underscores the need to reintroduce the Russian avant-garde economists into economics as an academic discipline.

Keywords: Russian economic avant-garde, Peter Kropotkin, Alexander Bogdanov, Nikolai Kondratiev, methodology of science, history of economic thought in Russia

1. Введение

Один из вопросов настоящего тематического выпуска был сформулирован так: «Успевает ли экономическая теория осмысливать меняющийся порядок вещей?». Такая постановка связана с тем, что общественная теория зачастую представляет собой обобщенный практический опыт прошлого, структурированный в логических и модельных схемах. Поэтому польза теорий зависит от характера происходящих в экономике изменений, от того, насколько они постепенны или стремительны, с одной стороны, и от того, насколько соответствующие теории готовы к анализу таких изменений, с другой.

Опираясь на понимание экономики как информационной системы, т. е. как иерархии диалектически связанных процессов и структур (DeMarco, 1979, p. 23, 39; Mathiassen, 1999, p. 127), можно выделить три основных типа изменений. Они отличаются характером процессов, происходящих со структурами, и могут быть названы перманентными изменениями, трансформационными и трансцендентными[1]. Первый тип не предполагает существенных изменений и означает для си-

[1] В англоязычных работах в оригинале "the permanent processes of change, transformation and transcendence" (Israel, 1979, p. 116; Mathiassen, 1999, p. 139).

стемы воспроизводство неизменных структур с некоторыми улучшениями[1]. Такой тип изменений предсказуем и предопределен предыдущими знаниями, институтами и технологиями. Второй тип изменений, которые названы трансформационными, предполагает не только обновление структур за счет более современных элементов, но и возникновение новых структур[2]. В таком случае можно говорить о трансформации системы. Предсказывать такие изменения гораздо сложнее. При третьем типе изменений не только возникают новые структуры, но меняются (или появляются новые) отношения и связи между ними; таким образом система изменяется весьма существенно или даже тотально, и тогда можно говорить о трансцендентных изменениях — трансцендентных в смысле «выходящих за рамки» известного, обычного опыта, а зачастую и за пределы понимания при использовании известных инструментов познания[3]. С точки зрения синергетического подхода результатом трансцендентных изменений в ходе процессов системной самоорганизации становится формирование нового порядка в усложнившейся системе, при котором качественно изменяются ее процессуально-структурные характеристики и формируется метаструктура[4], способная справляться с вызовами возросшей сложности. При этом установление нового порядка, как правило, сопровождается периодом турбулентности, что в социальных системах связано с нарастанием внутренних и внешних конфликтов разного рода.

Такая ситуация сложилась на рубеже XIX–XX вв. в Европе, наиболее ярко она проявилась в крупнейшей стране континента — России. Небольшой по протяженности отрезок времени оказался драматически насыщен такими событиями эпохального масштаба, как смена технико-экономической парадигмы, мировая война и череда социальных революций. Интеллигенция России, как и многих других европейских стран, находилась в состоянии переосмысления существующих форм и методов понимания и «предъявления» обновляемого мира.

Если мы обратимся к социально-экономической теории, то парадокс состоит в том, что чем изменения более существенные и новаторские по характеру, чем сильнее они преобразуют будущее, тем более глубокое погружение в историю требуется от исследователя. Это связано с тем, что трансцендентные, эпохальные изменения происходят гораздо реже по сравнению с другими типами изменений, и потому необходимы более широкие исторические горизонты, чтобы найти аналоги и попытаться, например, выстроить классификацию таких периодов (ведь практически любая наука начинается с классификации исследуемых объектов и феноменов!). Неслучайно так популярно выражение, приписываемое У. Черчиллю: «Чем дальше ты заглянешь в историю, тем дальше ты увидишь буду-

[1] Аналогичные по характеру технологические изменения в сфере инноваций называют, например, инкрементальными (incremental), т. е. постепенными, пошаговыми (Freeman & Pérez, 1988, p. 46), или улучшающими, по классификации Г. Менша (Mensch, 1979).

[2] В теории инноваций подобного рода технологические изменения называют базисными, или радикальными (Экономика инноваций, 2016, с. 17–18), которые «модернизируют всю производственную структуру» (Перес, 2011, с. 27). Экономика инноваций. (2016). Учебное пособие. Москва: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 310.

[3] С. Кузнец в своих работах по исследованию инноваций обозначал такие периоды развития технологий как периоды «эпохальных нововведений» (Kuznets, 1966, p. 9). В теории К. Фримена и К. Перес такого рода трансцендентные изменения определяются как смена технико-экономических парадигм в результате технологических революций (Перес, 2011; Freeman & Pérez, 1988).

[4] Метаструктура означает структуру, в которой элементами являются другие структуры.

щее»[1]. Одновременно в такие периоды внешней ломки и хаоса приходится чаще прибегать к неожиданным метафорам и более обобщенным и абстрактным категориям, чтобы соотнести между собой различные периоды и выстроить «мосты понимания» между прошлым и будущим. На наш взгляд, именно этим отличались русский авангард в искусстве и русский авангард в социально-экономической науке[2]. Поскольку о художественном русском авангарде, объединившим литературу, изобразительное искусство, архитектуру, театр, кинематограф, дизайн и музыку написано немало[3], и у большинства читателей наверняка есть о нём и его представителях определенные знания, в данной статье основное внимание будет уделено анализу экономического русского авангарда.

В разделе 2 статьи уточняется социально-экономический контекст, в котором творили представители творческого русского авангарда. Также рассмотрены некоторые общие типические черты, объединяющие лидеров художественного и научного авангарда. В разделе 3 обозначен новаторский характер вкладов П.А. Кропоткина (1842–1921), А.А. Богданова (1873–1928) и Н.Д. Кондратьева (1892–1938) в развитие социально-экономической теории, что дает основания отнести их к представителям русского экономического авангарда. В заключительном разделе обсуждаются как диалектика русского авангарда, характерная для обеих его ветвей — художественной и научной, так и общность судьбы данного направления в нашей стране. Проводятся параллели между вызовами начала XX в. и современными вызовами начала XXI в., что формирует аналогичную тенденцию в теоретизировании нынешних российских экономистов. Также отмечается необходимость «возвращения имен» указанных представителей русского экономического авангарда в экономику как учебную дисциплину, прежде всего в отечественные программы образования.

2. Социально-экономический контекст деятельности представителей русского авангарда и их типические черты

Русский авангард в *искусстве*, в соответствии с общепринятой традицией датируется периодом 1900–1930-х гг. Это время русских революций 1905 и 1917 гг., Первой мировой войны 1914–1918 гг., распада Российской империи и создания первого социалистического государства — Советского союза (с 1922 г.). К этому же периоду мы относим и *экономический* российский авангард.

Это было время огромных социальных потрясений, геополитических подвижек, дестабилизации и частичной хаотизации мировой системы, которые в России получили наиболее драматичное, на наш взгляд, выражение. Неслучайно, например, Русскую революцию 1917 г. историки называют «одним из самых взрывоопасных политических событий XX века»[4]. Сами эти события стали следствием массовых

[1] На англ. языке «The further backward you look, the further forward you can see». Несмотря на то, что даже Ее Величество Королева в Рождественском послании Британскому Содружеству в 1999 г. приписала эту фразу Черчиллю, на самом деле он говорил «The longer you can look back, the farther you can look forward». https://winstonchurchill.org/resources/quotes/quotes-falsely-attributed/ (дата обращения: 12.11. 2024).

[2] Термин «русский» употребляется не в этническом, а в национальном смысле, т. е. относится к деятелям искусства и науки Российского государства.

[3] См., например, книгу (Русский авангард, 2017), а также (The Avant-Garde in Russia…, 1980), отмеченную на Amazon Books как «Выдающаяся академическая книга».

[4] Russian Revolution. (2024). *History.com Editors*. https://www.history.com/topics/european-history/russian-revolution (дата обращения: 12.11.2024).

социальных сдвигов, происходивших в обществах на рубеже веков, и того, что имевшиеся политические структуры не справлялись с управлением новыми процессами. Среди этих сдвигов — рост образования населения и изменение его культурных запросов, в т. ч. и в связи с резким ростом урбанизации, неравномерное вовлечение в экономическую и политическую жизнь различных слоев общества, смена демографических поведенческих стандартов и многое другое. Эта ситуация метко обозначена В.И. Ульяновым-Лениным в его описании революционной ситуации, когда «низы» уже не хотят жить как прежде, а «верхи» уже не могут управлять как прежде[1].

Одновременно в этот же период имеет место кульминация «второй промышленной революции» (технологической революции), когда в промышленности началось массовое внедрение множества «эпохальных» изобретений, сделанных к началу XX в.[2] Ее определяющей чертой считается транспортно-коммуникационная революция (Гловели, 2021, с. 2), сопровождавшаяся развитием сети железных дорог и распространением электричества. На его основе стало возможным приводить в движение не только новые виды транспорта, но и оснастить более мощными двигателями множество индустриальных машин и механизмов, поддержать внедрение новаторских промышленных технологий, прежде всего в сталелитейной и химической промышленности, а также обеспечить развитие проводных форм связи (радио, телеграф, телефон и др.) Технологический прогресс выражался также в развитии фабричного производства в невиданных ранее масштабах и массовой автоматизации хозяйственной деятельности. Как отмечал Н. Винер в своей знаменитой работе «The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society», переведенной в 1958 г. на русский язык, развитие автоматизации, замещающей функции не только механического, но и умственного труда, стало «одним из величайших факторов, обусловливающих социальную и техническую жизнь грядущего века»[3] (Винер, 1958, с. 155). Наряду с ростом масштабов индустриального производства развивались технологии точных измерений, происходила «миниатюризация природных сил, используемых в промышленном производстве» (Мак-Нил, 2004, с. 945). Все эти изменения не только создавали новые возможности и материалы для художественного и промышленного творчества, но также требовали новых систем индустриального и социального управления и их экономического обоснования. В этот период возросших скоростей «стремительно меняется и научно-философская картина мира: то, что вчера было традиционным и неоспоримым, сегодня уже пылится на полке» (Языкова, 2017).

Таким образом, революционные изменения в социально-политической и экономико-технологической сферах сопровождались эрозией прежних и поиском новых управляющих этими процессами структур, как и «структур понимания», которые должны были стать ответом на резкое усложнение сложности в обозначенных сферах. Требовались новые модели и инструменты познания меняющегося

[1] Точное определение, данное Лениным в работе 1913 г. «Маёвка революционного пролетариата», звучит следующим образом: «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» (Ленин, 1973, с. 300).

[2] Исследования «второй промышленной революции» получили в нашей стране «второе дыхание». После многих лет фактического игнорирования этой темы, с начала 2020-х гг. ее глубоким изучением, актуализированным параллелями с нынешними процессами, плодотворно занимается Г.Д. Гловели (Гловели, 2021; Гловели и др., 2024).

[3] Речь шла о XX в.

мира. Можно сказать, что социально-экономические условия в России на рубеже XIX–XX вв. сформировали соответствующий запрос к творческой интеллигенции, и в рамках русского авангарда на него были даны ответы.

То, что такие ответы были даны, было связано, на наш взгляд, с некоторыми общими типическими чертами его представителей. Во-первых, отметим высокий уровнем вовлеченности представителей творческого авангарда — как художественного, так и научного, — в социально-политическую жизнь, т. е. отличавший их «деятельностный подход». Творцы авангарда были не просто современниками процессов трансцендентных изменений, они интенсивно в них участвовали. Одним из свидетельств этого является вовлеченность в политику. Для представителей искусства русского авангарда «желание полного разрыва с художественным прошлым сочеталось со стремлением к политической революции» (Parker, 1982), поэтому многие деятели авангарда приветствовали большевистскую революцию 1917 г., видя в ней не только социальный взрыв, но «революцию духа» (Языкова, 2017). Свою политическую программу они выразили, например, в манифесте сообщества ЛЕФ («Левый фронт искусств»), где объединились литераторы, художники и архитекторы. Программа включала не только обоснование коренных изменений в искусстве, но и содержала призыв к радикальным изменениям в обществе и государстве, где искусство должно было стать медиатором «надвигающегося будущего».

В свою очередь вовлеченность экономистов русского авангарда в практику социальных действий выразилась в их членстве в политических партиях и активной работе в составе этих партий, за что они подвергались арестам и политическим ссылкам. Так, П.А. Кропоткин в молодости был членом наиболее значимой из ранних народнических организаций «Большого общества агитации» и инициатором «хождения в народ». Затем, как известно, он стал участником, а потом и международным лидером анархо-коммунизма. За свою революционную деятельность Кропоткин неоднократно был арестован в России и странах Европы. В 1918 г. по возвращении на родину он получил охранное удостоверение как «известнейший русский революционер» (Ленинский сборник, 1980, с. 192), подписанное Председателем Совнаркома В.И. Ульяновым-Лениным. Другой ученый, которого мы также относим к экономистам русского авангарда, А.А. Богданов (Малиновский)[1] был членом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и политзаключенным. После раскола партии в 1903 г. он примкнул к радикальному крылу данной партии — большевикам и даже был членом Центрального комитета партии, а впоследствии организатором партийных школ РСДРП. После Октябрьской революции Богданов стал ведущим идеологом и деятелем Пролеткульта[2]. Наконец, еще один представитель русского экономического авангарда Н.Д. Кондратьев с 13 лет был членом Партии социалистов-революционеров («партии эсеров»), за активную деятельность в которой и участие в партийных съездах был дважды арестован царским правительством. В 1917 г. он был членом Временного правительства, воз-

[1] Настоящая фамилия — Малиновский, а Богданов — один из наиболее популярных псевдонимов, под которым он публиковал свои работы.

[2] Пролеткульт (1917–1932) — сокращение от «Пролетарские культурно-просветительные организации», — массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения Советской России, предполагавшая, что на смену «буржуазной культуре» придет культура, созданная силами рабочего класса.

главляемого эсером А.Ф. Керенским (куда отказался войти Кропоткин) и выбранным депутатом Всероссийского Учредительного собрания 1917–1918 гг.

К типическим чертам деятелей русского авангарда мы относим не только их социально-политическую активность и вовлеченность в процесс изменений. Другой их чертой была разносторонность интересов, среди которых особо можно выделить философию в смысле постоянной рефлексии по поводу собственной творческой деятельности[1]. Так, деятели художественного авангарда отличались своими достижениями в разных жанрах. Например, Д. Бурлюк, «отец русского футуризма», был и художником, и литератором, писал стихи и прозу; В. Маяковский, известный прежде всего как поэт, прославился одновременно и своими плакатами, он писал пьесы и сценарии к фильмам; художник В. Кандинский, автор известной «Композиции 8», во время ее создания пишет также свой знаменитый трактат «Точка и линия на плоскости» с изложением своих художественных принципов. А автор знаменитого «Черного квадрата» и основатель супрематизма К. Малевич даже в Википедии представлен не только как художник и педагог, но и как философ. И этот перечень можно продолжать.

Следствием разнообразия интересов мы полагаем определенного рода «мультидисциплинарность» творчества представителей русского авангарда на персональном уровне, когда в ходе своей индивидуальной работы они одновременно опираются на подходы, методы, достижения и модели смежных (и не очень) видов творчества. Неслучайно продукты их творческой деятельности носили порой носили синтетический характер, например, синтез музыкальной и живописной мысли у Кандинского, оптофон[2] В.Д. Баранова-Россине, философия «музыкальности» в живописной работе А.В. Лентулова 1915 г. «Звон (колокольня «Иван Великий») с расходящимися полукружьями, напоминающими звуковые волны, и т. д.

В работах экономистов русского авангарда эта персональная «мультидисциплиарность» также проявилась весьма ярко. При этом мы можем выделить две ее стороны. Когда междисциплинарный (мультидисциплинарный)[3] подход предполагает использование достижений других дисциплин (теорий, методов, стилей мышления) «для получения продуктивного результата в своем виде деятельности, междисциплинарность представляет собой своего рода «средство» (Сыров, 2011, с. 5), которым вольно или невольно постоянно пользовались представители творческого авангарда, в т. ч. относимые к этому направлению российские экономисты. Кропоткин, например, в прославившей его работе 1902 г. «Взаимопомощь: фактор эволюции» опирался не только на факты социально-экономической истории, но также на результаты самостоятельных геологических исследований Сибири и Центральной Азии, этнографические и географические знания, полученные в ходе ряда экспедиций по Восточной Сибири (путевые заметки из которых печатались во многих газетах и журналах того времени), на достижения российской и мировой биологической науки, и не только. В свою очередь автор

[1] «…Старое умерло, распалось в хаос, и в нем еще только проглядывались очертания нового, которые нужно было разглядеть и понять через призму философии. Потому все авангардисты так ею и увлекались» (Языкова, 2017).

[2] Оптофон представлял собой прибор для сочетания визуального и звучащего искусства, что позже нашло отражение в цветомузыке.

[3] О тонкостях различия междисциплинарности и мультидисциплинарности см., например (Орехов, 2018). В контексте данной статьи это несущественно.

«Тектологии» Богданов отмечал в своей автобиографии, что писал труды по пяти направлениям — политической экономии, историческому материализму, философии, «организационной науке» и «пролетарской культуре». Но также он был дипломированным врачом и в последние годы жизни возглавлял первый в мире организованный им Институт переливания крови. Кроме того, известны его литературные романы и стихи. Без сомнения, он был подлинным энциклопедистом (Гловели, 2024). Наконец, Кондратьев, именем которого названы долгие циклы (волны) в экономике, имел юридическое образование, работал на кафедре политической экономии и статистики, занимался социологией, стал известным специалистом по аграрным проблемам и сельскому хозяйству, был известен своей литературной деятельности и даже писал сказки (Кондратьев, 2002).

Однако, как отмечают методологи науки, мультидисциплинарность может быть не только средством, но также явной или неявной целью. Тогда она воплощается через «возникновение нового жанра, который ускользает от дисциплинарных требований уже сложившихся и институционализированных форм знания» (Сыров, 2011, с. 6). Это происходит в ходе радикальных попыток избавиться от академических канонов и предложить новый язык (систему категорий) для описания мира, погружающегося, кажется, в хаос и в то же время обновляемого путем возникновения (или нового обретения) его основополагающих структур. В науке это выражается в создании новых зачастую парадигмальных теорий. Именно такие теории предложили миру творцы русского экономического авангарда.

3. Вклад представителей русского экономического авангарда в мировую социально-экономическую мысль

Хотя мы называем Кропоткина, Богданова и Кондратьева экономистами русского авангарда, но их теории, в силу отмеченного выше мультидисциплинарного стиля мышления, представляют собой не «чисто экономические» теории. Их достижения мы полагаем ценным вкладом в социально-экономическую отечественную и мировую мысль, и это подтверждается использованием концепций указанных авторов не только в экономике, но также в смежных науках — социологии[1], менеджменте (и более широко — в науке управления), инноватике[2] и даже политологии[3]. В чем же мы видим их достижения, опередившие свое время и одновременно продолжающие отечественные культурные и научные традиции?

Начнем с П.А. Кропоткина, известного большинству аудитории в качестве мирового лидера анархизма. К сожалению, лишь небольшой круг специалистов знает его труды как социального экономиста. Эпохальный вклад Кропоткина мы связываем с работой «Взаимная помощь как фактор эволюции», опубликованной в России в 1907 г. Она стала переводом вышедшей первоначально в Лондоне на английском языке его работы «Mutual Aid: A Factor of Evolution», 1902 (Kropotkin, 2006 (1902)). Как «Черный квадрат» Малевича бросил вызов художественным стандартам своего времени, так и работа Кропоткина стала вызовом доминирующему эволюционному подходу в экономической и социальной науке, опиравшемуся на дарвиновские представления о роли конкуренции и естественного отбора в обще-

[1] Например, о Богданове как социологе см. (Гловели, 2023).

[2] О роли открытий Кондратьева в развитии теорий инноваций см. (Акаев, 2022).

[3] Реализация идей Кропоткина, Богданова и Кондратьева в политологических исследованиях представлена в (Умов, Лапкин, 1992; Андрианова, 2012; Ксенофонтов, 2021).

ственном развитии. В своей книге[1] ученый выдвинул и обосновал гипотезу о преимущественном значении взаимопомощи. Он доказывал, что взаимная помощь, обеспечивающая выживание и развитие видов в природе и сообществах людей в социальной жизни, представляет собой более «могучий» фактор эволюции, чем борьба за существование и связанная с этим конкуренция в природе и обществе. С одной стороны, Кропоткин высоко ценил и проявлял непоколебимое и глубокое уважение к идеям Дарвина. Он даже рассматривал теорию естественного отбора как «[…] возможно, самое блестящее научное обобщение [19-го] века» (Avrich, 1988, p. 58). Кроме того, Кропоткин признавал, что борьба за существование играла важную роль в эволюции видов, и он расширил свое мышление еще дальше, утверждая, что жизнь — это борьба, и в этой борьбе действительно выживают наиболее приспособленные. Однако, с другой стороны, он подвергал идеи Дарвина критике за то, что тот рассматривал конкуренцию и борьбу за существование как главный и универсальный закон[2]. В дополнение к нему П.А. Кропоткин сформулировал «закон взаимопомощи» и распространил его логику далеко за пределы растительного и животного царств[3], чтобы рассмотреть человеческие отношения и основы возникновения моральных инстинктов и даже этического поведения (подробнее см. (Hall & Kirdina-Chandler, 2017; Кирдина-Чэндлер, Холл, 2017)).

Кропоткин подчеркивал непрерывную преемственность в человеческом сотрудничестве и с помощью множества примеров и эмпирических доказательств решительно обосновал важность взаимопомощи. Он противопоставлял свое понимание тому, что он считал чрезмерным акцентом на индивидуализме, утверждая, что: «[…] Животные виды, у которых индивидуальная борьба сведена к самым узким пределам, а практика взаимной помощи достигла наибольшего развития, неизменно наиболее многочисленны, наиболее процветают и наиболее открыты для дальнейшего прогресса» (Kropotkin, 2006 (1902), p. 244), и то же справедливо для человеческих обществ. Специалисты полагают, что идеи о взаимопомощи в том смысле, в каком их продвигал Кропоткин, стали настолько широко распространенными, принятыми и одобренными в то время на всей интеллектуальной сцене России, что спекуляции и гипотезы социального дарвинизма так в нашем отечестве и не укоренились (Георгиевский, Хахина, 1996, с. 97). Отметим также, что П.А. Кропоткин, доводя свои идеи до предела, не просто выделял важность взаимопомощи, но подчеркивал ее роль в том, что она приведет наши общества к *loftier evolution* (Kropotkin, 2006 (1902), p. 244), т. е. к «возвышенной эволюции».

Следующий представитель русского экономического авангарда — автор «всеобщей организационной науки» тектологии[4] А.А. Богданов. В его работе

[1] Основные изложенные в ней идеи были представлены Кропоткиным между 1890 и 1896 гг., когда он жил в ссылке в Великобритании, в серии эссе, напечатанных в британском ежемесячном литературном журнале «Nineteenth Century». В своих статьях Кропоткин критиковал то, что он назвал манифестом «борьбы за жизнь», выдвинутым Т. Хаксли в статье 1888 г. «Struggle for Existence and its Bearing upon Man».

[2] Столетие спустя исследования экономического поведения подтверждают справедливость критики Кропоткина. Обзор проводимых экспериментов подтверждает отсутствие преобладающего стремления экономических агентов к индивидуальной выгоде в ходе конкурентной борьбы (Henrich, 2004).

[3] Здесь он опирался на идеи российского биолога К. Кесслера (1880).

[4] В работе (Чуринов, 2006) отмечается, что изначально и эпизодически термин «тектология» в значении «наука о строении организмов» был предложен немецким биологом Э. Геккелем в 1866 г. в его двухтомном труде «Генеральная морфология». Именно оттуда он, скорее всего, был позаимствован Богдановым. Однако Богданов придал ему гораздо более широкий смысл, что и отражено в его теории.

«Тектология — Всеобщая организационная наука», изданной в Берлине и Санкт-Петербурге в 1922 г., по сути, впервые были сформулированы основные положения системного подхода и теории самоорганизации систем. Его работа предвосхитила и в ряде вопросов превзошла широко известные впоследствии кибернетику Н. Винера (Cybernetics: Or the Control and Communication in the Animal and the Machine, 1948) и У. Эшби (An Introduction to Cybernetics, 1956), общую теорию систем Л. фон Берталанфи (General System Theory: Foundations, Development, Applications, 1968) и синергетику И. Пригожина (Order out of Chaos: Man's new dialogue with nature, 1984, в соавторстве с И. Стенгерс).

По «исторической несправедливости», рассмотренной в (Руди, 2012, с. 93), идеи Богданова долгое время не были популярны (да и толком неизвестны) ни в России, ни в мире. Так, у нас в стране его «Тектология…» была переиздана лишь к концу XX в. (Богданов, 1989), что положило начало обсуждению его идей и признанию, наконец, его научных заслуг. «Тектология как таковая, по замыслу ее создателя, — это наука, объединяющая организационный опыт человечества, это теория организационных систем, изучающая каждую из них с точки зрения отношений между ее частями, а также отношения системы как целого с внешней средой. Качественно новым в тектологии является переход от методологии аналогий, широко и плодотворно использовавшихся в науке, к выявлению общих закономерностей становления и функционирования систем. Тектология А. Богданова — прямо или косвенно — во многом определила современный способ научного мышления, что и проявляется в большинстве направлений наук социально-экономического цикла. Неумение мыслить системно, попытки вырвать изучаемые процессы из их связей воспринимаются сегодня не иначе как показатели низкой культуры мышления, непрофессионализма» (Вершков, 2008, с. 40). Аналогично высказывается и один из лидеров системных исследований в экономике Г. Б. Клейнер: «В замысле Богданова заложен гигантский потенциал синтеза двух начал: вещественного и духовного. Он стремился выявить общие принципы познания и управления, ориентируясь на четыре типа мировых явлений: духовного мира (внутренний мир человека); социального мира (внутренняя структура общества); биологического мира (устройство мира живой природы); неорганического мира (артефакты и природные образования). Учение Богданова можно поставить в один ряд с такими произведениями человеческого гения, как труды Аристотеля, достижения И. Ньютона, учение К. Маркса, теория относительности А. Эйнштейна, теоремы К. Геделя, концепция биологического пространства-времени В. Вернадского и др.» (Клейнер, 2023, с. 25).

Итак, Богданов рассматривает все развивающиеся объекты в мире как системы. Система представляет собой комплекс двух и более взаимодействующих элементов в едином процессе для достижения общей цели. Различаются физические, биологические и социальные (с участием человека) системы. В соответствии с фундаментальными предпосылками тектологии, два и более элемента системы, включенные в единый процесс, могут при особой организации превосходить по эффективности функционирование этих же элементов по отдельности (принцип «ингрессии», или «вхождения»), а могут и снижать ее, мешая друг другу (эффект «дезингрессии», или «расхождения»)[1]. По сути, Богданов «ввел в научный оборот системный принцип двойственности в эволюции си-

[1] Также Богдановым рассматривается «нейтральный» тип взаимодействия.

стем, изоморфизм которого в жизни систем показан и развит много позже в работах Л. фон Берталанфи, Г.Б. Клейнера и других ученых» (Никонова, 2019, с. 33). Рассмотрению, анализу и теоретизации фактора организации, при правильном применении которого эффективность элементов, включенных в состав целого, увеличивается, и посвящается «Тектология».

В социуме разумная организация элементов системы обеспечивает ее «динамическое», или «подвижное» равновесие, что поддерживает гармоничную эволюционную устойчивость системы. Также А.А. Богданов исследовал случаи и факторы, которые, напротив, ведут к системным противоречиям. Последствия их накопления могут быть преодолены сознательным путем, что приводит к преобразованию системы; если же этого не происходит, освобождение от накопившихся системных противоречий происходит в ходе разрушения, распада системы (Богданов, 1921). Признавая вклад Богданова, нельзя не согласиться с академиком Н.Н. Моисеевым в том, что «имя А.А. Богданова как автора тектологии, незаслуженно у нас и в мире надолго забытое, должно стоять в одном ряду с именами таких всемирно известных российских ученых, как создатель периодической системы элементов Д.И. Менделеев и создатель биогеохимии В.И. Вернадский» (Моисеев, 1984, с. 43).

Наконец, представим вклад в мировую экономическую мысль еще одного представителя русского экономического авангарда Н.Д. Кондратьева. В отличие от Кропоткина и Богданова, он гораздо более известен в мировой науке — открытые им долгие циклы конъюнктуры известны как «долгие волны (циклы) Кондратьева». Значительную роль в этом сыграл интерес к его трудам выдающегося экономиста Шумпетера, который опирался на идеи Кондратьева при разработке своей эволюционной теории экономического развития — фактически он представил идеи Кондратьева европейским и американским ученым, и именно он с 1939 г. активно использовал термин «кондратьевские волны».

Как и труды других представителей русского экономического авангарда, исследования Кондратьева выходили за пределы экономики как таковой. Еще в одной из первых своих работ «Основные учения о закономерностях развития общественной жизни» (Кондратьев, 1914) 22-летний ученый начал реализацию своего замысла по созданию «синтетической теории социально-экономической генетики» (Гловели, 2002, с. 154). Позже свою научную деятельность Кондратьев сочетал с практической работой. Известно, что он был одним из тех, кто в 1920-е гг. обосновал «новую экономическую политику» (НЭП) в СССР после периода «военного коммунизма». Н.Д. Кондратьев был со-основателем и первым директором Конъюнктурного института при Наркомате финансов Союза ССР (1920–1928), работал в Госплане СССР, где руководил разработкой плана развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923–1928 гг. Особенностью его подхода был принцип сочетания плановых и рыночных принципов, вплоть до поддержки «развития русских капиталистических предприятий». Кондратьев был сторонником не директивных планов, которые постепенно становились основным инструментом экономической политики в СССР, но рассматривал план как полезный для управления перспективный прогноз, позволяющий принимать во внимание реальные возможности экономического развития. Его несогласие с «линией партии» в конце концов стоило ему жизни.

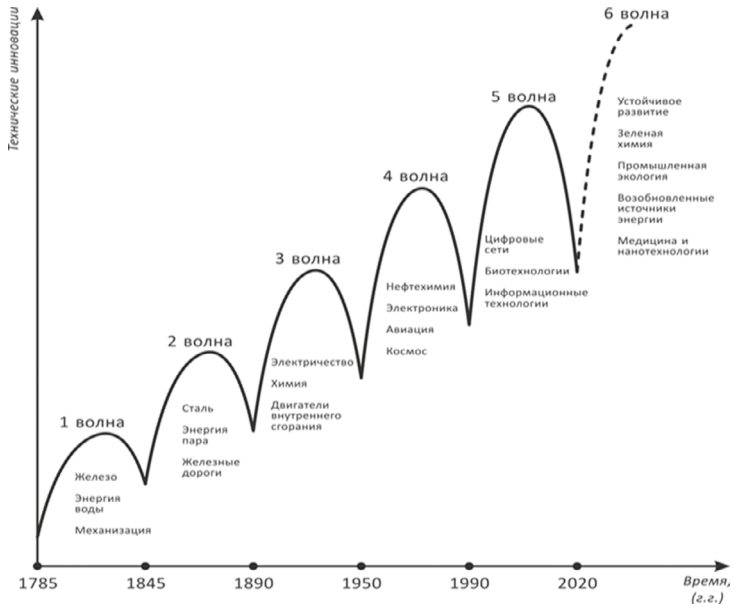

Рис. *Периодизация кондратьевских волн в соответствии с содержанием технологических инноваций (источник: Hargroves & Smith, 2005. https://i.pinimg.com/736x/87/b5/c3/87b5c3f8e02d88b9566d07fb5a771647--design-strategy-paradigm-shift.jpg (дата обращения: 08.11.2024))*
Fig. *Periodization of Kondratiev Waves by Technological Innovations*

Среди трех «эпохальных открытий Кондратьева»[1] выявленные им циклы (волны) полагаются, пожалуй, наиболее важными. Этот результат был опубликован им в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» ((Кондратьев, 1922); см. также (Kondratiev, 1935)), поражающей глубиной и широтой статистических сопоставлений. Хотя на тот период Н.Д. Кондратьев зафиксировал лишь два «больших цикла конъюнктуры» и начало третьего (Кондратьев, 1922, с. 242), дальнейшие события блестяще подтвердили его логику. К настоящему времени говорят уже о 6-й волне, или цикле (рис).

Большое внимание именно к этому открытию Кондратьева связано в т. ч. и с тем, что модель кондратьевских волн становится «исторически и институционально более релевантной для понимания мира и тенденций его развития» (O'Hara, 2022, с. 5). Поэтому ею пользуются не только экономисты, но и географы, социологи, историки и специалисты других смежных областей. «Особым почетом модель «больших циклов» пользуется у создателей современных междисциплинарных обобщений — таких, как миросистемный анализ, геоэкономика, теория цивилизаций. Труды по этим направлениям редко обходятся без ссылок на «респектабельные» (Ф. Бродель) кондратьевские волны» (Гловели, 2002, с. 155).

[1] А. А. Акаев относит к ним «длинные волны в экономическом развитии продолжительностью 40–60 лет, формирующиеся под воздействием мощного кластера инновационных технологий; неравновесие и нестабильность рыночной экономики, получившие объяснение позже (в конце XX века) в синергетической экономике; необходимость активного государственного вмешательства и управления народным хозяйством в кризисных ситуациях с использованием механизма саморегулирования, заложенного в рыночных отношениях» (Акаев, 2022, с. 11)

Подведем некоторые итоги: несмотря на различие новаторских теорий представителей русского экономического авангарда, их объединяют не только мультидисциплинарный характер. Нельзя не отметить, с одной стороны, характерный для них, историцизм, т. е. рассмотрение всех исследуемых объектов и процессов в историческом развитии. С другой стороны, несмотря на обилие используемых ими статистических, эмпирических и научных доказательств, их теории построены как четкие, строгие и понятные схемы. В условиях резко усложнившегося на рубеже веков мира им удалось выделить своего рода неизменные формы и доминанты исторического социально-экономического процесса, которые позволяют этот мир понять, проанализировать и предвидеть его дальнейшее развитие.

4. Вместо заключения: диалектика и судьба русского творческого авангарда

Предложенное название «русский экономический авангард», или «экономисты русского авангарда», является новацией. Приживется ли оно, покажет будущее. Заметим, что термин «русский художественный авангард» в литературе закрепился не сразу. Впервые его употребил А. Бенуа (1870–1960), который весной 1910 г. разделил всех живописцев, участвовавших в выставке Союза русских художников, на авангард, центр и арьергард. «Он иронически назвал авангардом членов художественного объединения „Бубновый валет", слишком далеко, по его мнению, зашедших вперед на пути разрушения принятых норм в искусстве»[1]. Тем не менее в художественной историографии термин «русский авангард» получил распространение лишь в 1950-е гг., сначала преимущественно за рубежом[2]. Насколько справедливо говорить о «русском экономическом авангарде», также покажет время.

В заключительной части еще раз остановимся на диалектике развития русского авангарда[3], объединяющего его художественную и научную ветви. Она состоит в парадоксальном сочетании новаторства и традиции. Стремясь познать и отразить новую усложнившуюся в технологическом и социальном отношении действительность, в которой накапливаемые противоречия грозят разрушению системы (в смысле Богданова), художники и ученые вольно или невольно делают «шаг назад», чтобы посмотреть на этот новый мир через призму уже известных фактов, достижений и знаний. Отсюда проникающий в творчество примитивизм, опирающийся на известные и подтвердившие свою надежность формы и методы отражения действительности, или приоритет какой-либо одной из ее сторон (супрематизм в опоре на цвет у Малевича, линии и точки у Кандинского, структура у Богданова, циклическая кривая у Кондратьева или «основное отношение» у Кропоткина). В то же время, выделяя эти устойчивые в культурном и когнитивном отношении основы, представители авангарда делают «проброс» в иное культурно-научное пространство и тем самым опережают время, которое гораздо более инертно по сравнению со стремительностью творческой мысли и креативно-

[1] Вакар, И. (2017). Первое объединение раннего авангарда. БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ. *Специальный выпуск Журнала «ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ»*. www.tg-m.ru (дата обращения: 11.11.2024).

[2] Яковлева, Е. (2017, 22 июня). Феномен русского авангарда. Будущее 100 лет назад. *Аргументы и факты*. https://aif.ru/culture/art/fenomen_russkogo_avangarda_budushchee_100_let_nazad (дата обращения: 11.11.2024).

[3] Сошлемся на дискуссию Т. Черниговской и К. Анохина «Абстракционизм и авангард», размещенной в интернете 28 апреля 2024 г., которая послужила отправным пунктом для наших размышлений по этому поводу.

сти человека. Их задача состоит в том, чтобы обозначить новые пути, но общество пойдет по ним лишь при условии своих ограничений. Поэтому авангард — это всегда временное явление, «сокращенное пребывание в настоящем» (Люббе, 2016), и его закономерно сменяет период «нормального» развития (нормального с учетом тех ограничений, в которых будоражимое авангардистами общество живет).

Кроме того, зачастую заложенная в авангарде разрушительная сила[1] оборачивается против его представителей, к тому же и общество устает от интеллектуальных инноваций, сконцентрированных в движении авангарда. Если посмотреть на период деятельности «русского авангарда» в искусстве, то официальной датой его окончания принято считать вышедшее в СССР в апреле 1932 г. постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Оно положило конец вариативности художественной культуры (тот же авангард признали «формалистским») и заменой ее «социалистическим реализмом». Официальное определение соцреализма было дано в уставе Первого съезда союза писателей СССР[2], состоявшегося во исполнение вышеназванного постановления, и «спокойный и понятный» соцреализм был официально объявлен главным направлением в советском искусстве. Так художественное творчество представителей русского авангарда было, по сути, обнулено политикой государственного партийного строительства[3].

Представители русского экономического авангарда также стали жертвой государственной идеологической политики, поскольку «не вписывались» в доминирующую марксистко-ленинскую идеологию нового советского общества. Это произошло примерно в то же самое время — в 1930-е гг., когда происходит отказ от «новой экономической политики (НЭП)», и в экономической теории утверждается «ортодоксальный марксизм». Одной из его задач была «разработка определенного набора методологических установок, позволявших «специалистам по марксизму» выступать в роли идеологических «надсмотрщиков» в области естествознания и гуманитарных наук» (Дудник, Рукавишников, 2013, с. 166). Теории представителей экономического русского авангарда «ортодоксальному марксизму» не соответствовали.

Однако всплеск интереса к идеям русского экономического авангарда начала XX в. вновь возник в нашей стране, когда она стала сталкиваться с похожими проблемами накопления внутренних системных противоречий и внешними вызовами — речь идет о периоде позднего СССР и начавшегося в XXI в. времени глобальной турбулентности. К их работам массово стали обращаться лидеры академической экономической науки России. Так, в свое время академик Л.И. Абалкин способствовал широкой публикации их работ и созданию Международного научного фонда Н.Д. Кондратьева[4], академик С.Ю. Глазьев включил идеи Кондратьева

[1] Авангард «обязывает способствовать ускорению прогресса, в том числе и средствами искусства, и ликвидировать тех, кто его сдерживает» (Люббе, 2016, с. 134).

[2] «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Причем правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания в духе социализма» (Википедия. Социалистический реализм).

[3] Тем не менее это движение не умерло, и ряд идей «русского авангарда» нашло отражение в творчестве представителей «социалистического реализма» (Гюнтер, 2000).

[4] С 1992 г. Российской академией наук присуждается премия Кондратьева за выдающиеся достижения в экономической теории.

в свою теорию материально-технологических укладов (см., например, (Глазьев, 2022)), академик В.М. Полтерович опирается на идеи Кропоткина[1] в разрабатываемой им теории сотрудничества (Полтерович, 2020), а член-корр. РАН Г.Б. Клейнер соотносит с тектологией Богданова свои знаменитые тетрады, формирующие системную парадигму в экономике (Клейнер, 2023).

Одновременно начинается возврат имен лидеров российского экономического авангарда в экономику как учебную дисциплину. В ходе реализации масштабного межуниверситетского сотрудничества в рамках Проекта «ДНК России» Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в Новосибирске издано учебное пособие по экономике для студентов неэкономических специальностей[2], в котором имена П.А. Кропоткина, А.А. Богданова (Малиновского) и Н.Д. Кондратьева заняли достойное их вкладу место.

В свое время одна из знатоков русского авангарда в искусстве Е. Яковлева обозначила этот феномен как «будущее 100 лет назад»[3]. Полагаем, что и для широкого творческого освоения наследия представителей русского экономического авангарда также пришло время.

Список источников

Акаев, А. А. (2022). Эпохальные открытия Николая Кондратьева и их место в современной экономической науке. *AlterEconomics, 19*(1), 11–39. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.2

Андрианова, Н. Ю. (2012). А. А. Богданов о современных ему социально-экономических и политических реалиях мирового процесса. *Вестник РГГУ,* (19(99)), 230–238.

Богданов, А. А. (1921). *Очерки организационной науки.* Самара: Государственное издательство, 297.

Богданов, А. А. (1989). *Тектология: всеобщая организационная наука.* Отв. ред. Л. И. Абалкин. Москва: Экономика, 304.

Винер, Н. (1958). *Кибернетика и общество.* Москва: Изд-во иностранной литературы, 196.

Георгиевский, А. Б., Хахина, Л. Н. (1996). *Развитие эволюционной теории в России.* Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 238.

Глазьев, С. Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов. *AlterEconomics, 19*(1), 93–115. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6

Гловели, Г. Д. (2002). К 110-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева. *Экономическая наука современной России,* (1), 152–155.

Гловели, Г. Д. (2021). *Вторая промышленная революция и маржинализм. Препринт.* Москва: Институт экономики РАН.

Гловели, Г. Д. (2023). А. А. Богданов как социолог и утопист: проблема «класса для себя». *Социологические исследования,* (11), 25–37. https://doi.org/10.31857/S013216250028530-6

Гловели, Г. Д. (2024). А. А. Богданов как ученый-энциклопедист. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал, 16*(4), 158–190.

[1] Об актуализации идей Кропоткина см. (Сухих, Важенин, 2023).

[2] Экономика. (2024). Учеб. пособие. Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ, 440.

[3] Яковлева, Е. (2017, 22 июня). Феномен русского авангарда. Будущее 100 лет назад. *Аргументы и факты*. https://aif.ru/culture/art/fenomen_russkogo_avangarda_budushchee_100_let_nazad (дата обращения: 11.11.2024).

Гловели, Г. Д., Зайцева, М. С., Минаева, Е. А. (2024). Концепция промышленных революций: вклад Н. Винера и А. И. Анчишкина. *Вопросы теоретической экономики,* (2), 86–102. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102

Гюнтер, Х. (2000). Художественный авангард и социалистический реализм. *Соцреалистический канон* (с. 101–108). Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект».

Дудник, С. И., Рукавишников, А. Б. (2013). Идеологические трансформации марксизма в СССР 20-х гг. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 14* (2), 165–172.

Кесслер, К. (1880). О законе взаимопомощи. *Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, 11,* 124–136.

Кирдина-Чэндлер, С. Г., Холл, Дж. (2017). Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов. *Journal of Institutional Studies, 9* (1), 6–26.

Клейнер, Г. Б. (2023). Системная методология Александра Богданова в контексте современного экономического мировоззрения. *Вопросы экономики,* (3), 24–39. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-24-39

Кондратьев, Н. (2002). Необыкновенные приключения Шамми. *Экономические стратегии,* (2), 106–109.

Кондратьев, Н. Д. (1914). Основные учения о закономерностях развития общественной жизни. *Закономерность общественного развития*. Санкт-Петербург: Образование.

Кондратьев, Н. Д. (1922). *Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны*. Вологда: Областное отделение Госиздата, 258.

Ксенофонтов, В. Н. (2021). Взгляды П. А. Кропоткина на государственную власть и ее судьбу (социально-философский анализ). *Социально-политические науки, 11* (5), 79–83. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-79-83

Ленин, В. И. (1973). Маёвка революционного пролетариата. *Полное собрание сочинений. Т. 23* (с. 296–305). Москва: Издательство политической литературы.

Ленинский сборник. (1980). *Т. XXXIX (39)*. Москва: Политиздат, 495.

Люббе, Г. (2016). *В ногу со временем: сокращенное пребывание в настоящем*. Пер. с нем. под науч. ред. Виталия Куренного. Москва: НИУ ВШЭ, 456.

Мак-Нил, У. (2004). *Восхождение Запада. История человеческого сообщества*. Киев: Ника-Центр; Москва: Старклайт, 1066.

Моисеев, Н. Н. (1984). *Люди и кибернетика*. Москва: Молодая гвардия, 224.

Никонова, А. А. (2019). О принципе ингрессии в системном мире А. А. Богданова, или нет пророка в своем отечестве. *Хроноэкономика, 20* (7), 32–40.

Орехов, А. М. (2018). Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования. *Социум и власть,* (3(71)), 91–97.

Перес, К. (2011). *Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания*. Москва: Изд-во «Дело», 232.

Полтерович, В. М. (2020). Петр Кропоткин, философия сотрудничества и цифровая революция. Под ред. В. С. Автономова и А. Я. Рубинштейна, *Экономические теории в пространстве и времени* (с. 244–261). Санкт-Петербург: Издательство Алетейя.

Руди, А. Ш. (2012). Теория равновесия как механизма устойчивости. *ОНВ,* (3(109)), 92–95.

Сухих, В. В. , Важенин, С. Г. (2023). Актуализация экономических идей П.А. Кропоткина в XXI веке. *Историко-экономические исследования, 24* (3), 455–476. https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(3).455-476

Сыров, В. Н. (2011). Философия и перспективы междисциплинарных исследований в отечественной науке. *Вестник Волгоградского госуниверситета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии,* (3(15)), 5–14.

Умов, В. И., Лапкин, В. В. (1992). Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. *Полис. Политические исследования,* (2), 51–63.

Чуринов, Н. М. (2006). *Совершенство и свобода*. Изд. 3-е, доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 709.

Языкова, И. (2017, 9 августа). *Русский авангард: все, что нужно знать*. https://www.lavkafoma.ru/product/russkiy-avangard (дата обращения: 12.10.2024).

Avrich, P. (1988). *Anarchist Portraits*. Princeton University Press.

Baron, S., & Tuchman, M. (Eds.) (1980). *The Avant-Garde in Russia, 1910–1930: New Perspectives*. LACMA.

DeMarco, T. (1979). *Structured Analysis and System Specification*. Prentice-Hall, Yourdon Press.

Freeman, Ch., & Pérez, C. (1988). Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behavior. In G. Dossi, et al. (Eds.), *Technical Change and Economic Theory* (pp. 39–62). Pinter.

Hall, J., & Kirdina-Chandler, S. (2017). Towards an intellectual history of evolutionary economics: competition and struggle versus cooperation and mutual aid. *Revista de Economia Política (Brazilian Journal of Political Economy), 37* (3), 551–564. http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572017v37n03a05

Hargroves, K., & Smith, M (Eds.). (2005). *The Natural Advantage of Nations: Business Opportunities, Innovation and Governance for the 21st Century*. Routledge.

Henrich, J. (2004). Cultural Group Selection, Coevolutionary Processes and Large-Scale Cooperation. *Journal of Economic Behaviour and Organization, 53* (1), 3–35.

Israel, J. (1979). *The Language of Dialectics and the Dialectics of Language*. Munksgaard.

Kondratiev, N. D. (1935). The Long Waves in Economic Life. *Review of Economics and Statistics, 17* (7), 105–115.

Kropotkin, P. (1902[2006]). *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. Dover Publications, Inc.

Kuznets, S. (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. Yale University Press.

Mathiassen, L. (1999). *Systems, Processes, and Structures*. https://www.researchgate.net/publication/2501724_Systems_Processes_and_Structures (дата обращения: 16.05.2024).

Mensch, G. (1979). *Stalemate in Technology: Innovations Overcome The Depression*. Ballinger Pub. Co.

O'Hara, P. A. (2022). Advancing Kondratiev Wave Complexity through Bunge's Emergence, Braudel's History, Veblen's Institutions and Polanyi's Double Movement. *AlterEconomics, 19* (1), 51–70. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.4

Parker, C. (1982). The Russian Avant-Garde. A review of The Avant-Garde in Russia, 1910–1930: New Perspectives, edited by Stephanie Baron and Maurice Tuchman. *Claremont Review of Books, I* (3). https://claremontreviewofbooks.com/the-russian-avant-garde/ (дата обращения: 24.10. 2024).

References

Akaev, A. A. (2022). Nikolai Kondratiev's Epoch-Making Discoveries and their Impact on Contemporary Economic Science. *AlterEconomics, 19* (1), 11–39. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.2 (In Russ.)

Andrianova, N. Yu. (2012). Bogdanov A. A. on contemporary social and political actuality of the world wide situation. *Vestnik RGGU [RSUH Bulletin],* (19(99)), 230–238. (In Russ.)

Avrich, P. (1988). *Anarchist Portraits*. Princeton University Press.

Baron, S., & Tuchman, M. (Eds.) (1980). *The Avant-Garde in Russia, 1910–1930: New Perspectives*. LACMA.

Bogdanov, A. A. (1921). *Ocherki organizatsionnoy nauki [Essays on organizational science]*. Samara: State Publishing House. (In Russ.)

Bogdanov, A. A. (1989). *Tektologiya: vseobshchaya organizatsionnaya nauka [Tectology: general organizational science]*. In L. I. Abalkin (Ed.). Moscow: Ekonomika Publ. (In Russ.)

Churinov, N. M. (2006). *Sovershenstvo i svoboda [Perfection and Freedom]*. (3rd ed.). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

DeMarco, T. (1979). *Structured Analysis and System Specification*. Prentice-Hall, Yourdon Press.

Dudnik, S. I., & Rukavishnikov, A. B. (2013). Ideological transformations of Marxism in the USSR in 20th years. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Review of The Russian Christian Academy for the Humanities], 14* (2), 165–172. (In Russ.)

Freeman, Ch., & Pérez, C. (1988). Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behavior. In G. Dossi, et al. (Eds.), *Technical Change and Economic Theory* (pp. 39–62). Pinter.

Georgievsky, A. B., & Khakhina, L. N. (1996). *Razvitiye evolyutsionnoy teorii v Rossii [Development of Evolutionary Theory in Russia]*. St Peterburg: Politekhnika-servis Publ. (In Russ.)

Glazyev, S. Yu. (2022). Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. *AlterEconomics, 19*(1), 93–115. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6 (Russ.)

Gloveli, G. (2021). *Vtoraya promyshlennaya revolyutsiya i marzhinalizm [The Second Industrial Revolution and Marginalism]. Preprint.* Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Gloveli, G. (2023). A. A. Bogdanov as a Sociologist and Utopian: the "Klass für Sich" Problem. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies],* (11), 25–37. https://doi.org/10.31857/S013216250028530-6 (In Russ.)

Gloveli, G. J. (2024). A. A. Bogdanov as an Encyclopedic Scientist. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal [Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal], 16*(4), 158–190. (In Russ.)

Gloveli, G., Zaitseva, M., & Minaeva, E. (2024). The Concept of Industrial Revolutions: the Contribution of N. Wiener and A. I. Anchishkin. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (2), 86–102. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102 (In Russ.)

Glovely, G. D. (2002). On the 110th Anniversary of N. D. Kondratiev's Birth. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia],* (1), 152–155. (In Russ.)

Gunther, H. (2000). Artistic Avant-garde and Social Realism. *Sotsrealisticheskiy kanon [Socialist Realist Canon]* (pp. 101–108). St Petersburg: Gumanitarnoye agentstvo "Akademicheskiy proyekt" Publ. (In Russ.)

Hall, J., & Kirdina-Chandler, S. (2017). Towards an intellectual history of evolutionary economics: competition and struggle versus cooperation and mutual aid. *Revista de Economia Política (Brazilian Journal of Political Economy), 37*(3), 551–564. http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572017v37n03a05

Hargroves, K., & Smith, M (Eds.). (2005). *The Natural Advantage of Nations: Business Opportunities, Innovation and Governance for the 21st Century.* Routledge.

Henrich, J. (2004). Cultural Group Selection, Coevolutionary Processes and Large-Scale Cooperation. *Journal of Economic Behaviour and Organization, 53*(1), 3–35.

Israel, J. (1979). *The Language of Dialectics and the Dialectics of Language.* Munksgaard.

Kessler, K. (1880). On the law of mutual aid. *Trudy Sankt-Peterburgskogo obshchestva Estestvoispytatelei [Proceedings of the St. Petersburg Society of Natural Scientists], 11,* 124–136. (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G., & Hall, J. B. (2017). Cooperation Versus Competition in Works of Russian Evolutionists. *Journal of Institutional Studies, 9*(1), 6–26. (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2023). Alexander Bogdanov's system methodology from the perspective of the modern economic worldview. *Voprosy Ekonomiki,* (3), 24–39. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-24-39 (In Russ.)

Kondratiev, N. (2002). Extraordinary adventures of Shammi. *Ekonomicheskiye strategii [Economic strategies],* (2), 106–109. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1914). Teachings on the Laws of Development of Social Life. *Zakonomernost' obshchestvennogo razvitiya [The pattern of social development].* St Petersburg: Obrazovaniye. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1922). *Mirovoe khozyaystvo i ego kon'yunktury vo vremya i posle voyny [The world economy and its conjunctions during and after the war].* Vologda, Russia: Regional branch of the State Publishing House. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1935). The Long Waves in Economic Life. *Review of Economics and Statistics, 17*(7), 105–115.

Kropotkin, P. (1902[2006]). *Mutual Aid: A Factor of Evolution.* Dover Publications, Inc.

Ksenofontov, V. N. (2021). P. A. Kropotkin's views on State Power and Its Fate (Socio-Philosophical Analysis). *Sotsial'no-politicheskiye nauki [Sociopolitical Sciences], 11*(5), 79–83. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-79-83 (In Russ.)

Kuznets, S. (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread.* Yale University Press.

Lenin Collected Works. (1980). *Vol. XXXIX (39).* Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

Lenin, V. I. (1973). May Day of the Revolutionary Proletariat. *Polnoye sobraniye sochineniy [Collected Works]. Vol. 23.* Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russ.)

Lübbe, H. (2016). *V nogu so vremenem: sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem [In step with time: The Abridged Presence in the Present].* Translated from German, In V. Kurennoy (Ed.). Moscow: HSE. (In Russ.)

Mathiassen, L. (1999). *Systems, Processes, and Structures*. https://www.researchgate.net/publication/2501724_Systems_Processes_and_Structures (date of access: 16.05.2024).

McNeil, W. (2004). *Voskhozhdenie Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva [The Rise of the West: A History of the Human Community].* Kiev: Nika-Center Publ.; Moscow: Starklayt Publ. (In Russ.)

Mensch, G. (1979). *Stalemate in Technology: Innovations Overcome The Depression.* Ballinger Pub. Co.

Moiseev, N. N. (1984). *Lyudi i kibernetika [People and Cybernetics].* Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.)

Nikonova, A. A. (2019). On the Ingression Principle in the System World of A. A. Bogdanov, or No Prophet in His Own Country. *Khronoekonomika [HronoEconomics], 20*(7), 32–40. (In Rus.)

O'Hara, P. A. (2022). Advancing Kondratiev Wave Complexity through Bunge's Emergence, Braudel's History, Veblen's Institutions and Polanyi's Double Movement. *AlterEconomics, 19*(1), 51–70. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.4

Orekhov, A. M. (2018). Interdisciplinary Synthesis and Social-Humanitarian Sciences: On the Question of Clearing Some Concepts and Vectors of Research. *Sotsium i vlast' [Society and Power],* (3(71)), 91–97. (In Russ.)

Parker, C. (1982). The Russian Avant-Garde. A review of The Avant-Garde in Russia, 1910–1930: New Perspectives, edited by Stephanie Baron and Maurice Tuchman. *Claremont Review of Books, I*(3). https://claremontreviewofbooks.com/the-russian-avant-garde/ (Date of access: 24.10. 2024).

Perez, C. (2011). *Tekhnologicheskiye revolyutsii i finansovyy kapital. Dinamika puzyrey i periodov protsvetaniya [Technological revolutions and financial capital. The Dynamics of bubbles and Golden Ages].* Moscow: Delo Publ. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2020). Peter Kropotkin, Philosophy of Collaboration and the Digital Revolution. In V. S. Avtonomov, A. Ya. Rubinshtein (Eds.), *Ekonomicheskiye teorii v prostranstve i vremeni [Economic theories in space and time]* (pp. 244–261). St Petersburg: Aleteyya Publ. (In Russ.)

Rudi, A. Sh. (2012). Equilibrium theory as a mechanism of balance. *ONV [Omsk Scientific Bulletin],* (3(109)), 92–95. (In Russ.)

Sukhikh, V. V., & Vazhenin, S. G. (2023). Actualization of Economic Ideas of P.A. Kropotkin in the 21st Century. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics], 24*(3), 455–476. https://doi.org/10.17150/2308-2488.2023.24(3).455-476. (In Russ.)

Syrov, V. N. (2011). Philosophy and Prospects of Interdisciplinary Researches Russian Science. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 7: Filosofiia. Sotsiologiia i sotsialnye tekhnologii [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies],* (3(15)), 5–14. (In Russ.)

Umov, V. I., & Lapkin, V. V. (1992). Kondratieff Cycles and Russia: Prognosis of Reforms. *Polis. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political Studies],* (2), 51–63. (In Russ.)

Wiener, N. (1958). *Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and Society].* Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In Russ.)

Yazykova, I. (2017, August 9). *Russkiy avangard: vse, chto nuzhno znat' [Russian Avant-garde: Everything You Need to Know].* https://www.lavkafoma.ru/product/russkiy-avangard (Date of access: 12.10.2024). (In Russ.)

Информация об авторе

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна — доктор социологических наук, Институт экономики РАН; Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-9234-8308 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32; Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kirdina@inecon.ru).

About the author

Svetlana G. Kirdina-Chandler — Dr. Sci. (Soc.), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-9234-8308 (32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; 29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kirdina@inecon.ru).

Дата поступления рукописи: 20.12.2024.
Прошла рецензирование: 26.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 20 Dec 2024.
Reviewed: 26 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.